

Чужие и Близкие

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Чужие и близкие

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Бородкин А. П.

Чужие и близкие / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Командир эскадрильи полковник Сильвер защищает от вторжения базу землян на Марсе. Хирург Александр Дворжак работает в обычной клинической больнице. Между этими двумя мужчинами существует связь – девочка Лиза, дочка полковника Сильвера. И ещё одно невероятное обстоятельство: на Марсе нет базы. Её попросту не может существовать. Есть маленькая Лиза, игрушечная красная машинка, биосиликоновое сердце и человек, погибший в аварии. Ещё мнимое безумие и большая ответственность. Как такие разные "штуки" связаны воедино – читайте в рассказе. Содержит нецензурную брань.

В воскресенье решили устроить пикник: поехать далеко в лес, развести костёр, жечь смолистые сучья и смотреть, как дымная полоса убегает вверх, к тёмным пихтовым макушкам. Смотреть и мечтать. Однако утром пала роса, похолодало, стало неудобно. Возникло смятение: ехать или нет? Мокрый еловый лес – место тоскливое. Тогда Элеонора (моя сестра) волевым решением перенесла пикник на задний двор своего дома. Я подумал, что это даже лучше: меньше суеты и мясо легче пожарить. Так получалось, что во всех компаниях и при любых обстоятельствах мясо жарил я. И птицу, и рыбу. "Карма такая, – говорил один подпитый экстрасенс. Сдёргивал со шпаги зубами шашлык и уверял, что разбирается в вопросе. – Не самая, к слову, плохая".

Часам к восьми вечера гости разошлись. Остались только Элеонора, её муж Стас, я и красивая девушка Нина. Красивая, умная и немногословная, как статуя Венеры в парижском Лувре.

В мангале догорали угли, и два куска мяса стыли на решетке. Два последних кусочка. Вместе с теплом из них уходила привлекательность. Испарялись жизненные соки. Уже не хотелось съесть их – не просыпался аппетит; и только бумажные папилютки на косточках выглядели по-прежнему нарядно. "Туалет умерших, – не к месту пробежала мысль. – Парадный саван".

– Ты почему не пьёшь? – спросила Элеонора. Смотрела пронизательно. – Завязал?

– Нет, не завязал.

– А чего?

– Не хочу.

Она покачала головой, это означало глубоко-идушие выводы. Быть может диагноз и курс лечения. Налила полстакана водки, затем томатного сока и каплю табаско. В качестве бонуса добавила васаби – эту приправу обожал Стас. Иными словами, Стива – сестра называла мужа на французский манер.

– Нина, вы любите качаться на качелях? – Стакан Элеонора поставила на столик, как бы не для кого. – У нас замечательные качели. Стива благоволи покатать девушку. Только не увлекайся.

Качели были действительно замечательными: лодка, подвешенная к балке на тонких стальных струнах. Нина устроилась на носу, Стива – на корме, он глубоко присел, потом сильно распрямил ноги. Через некоторое время челнок поплыл по небу: вперёд, чуть назад (для разбега) и снова вперёд.

– У неё красивое лицо. – К вечеру день разгулялся, солнце сползло в просвет под облаками, и я прикрыл глаза ладонью, чтобы смотреть. – Есть что-то трогательное.

– При чём здесь лицо? – Элеонора удивилась. – У неё замечательно развита грудь и широкие бёдра. Она выносит и родит здорового ребёнка, будет кормить его молоком, а не смесью. Своим молоком.

– Твой практицизм граничит с цинизмом.

– Мой практицизм граничит с жизнью.

Понятно: сестрёнка подбирает для меня альтернативный вариант – девушку здоровую, образованную и покладистую. Чтобы во второй раз братика непременно настигло счастье. "Любовь нечаянно нагрянет, – вертелась на языке фраза. – Вот только за нечаянно, бьют отчаянно".

– Твоя тебя бросила? – напрямик спросила Элеонора.

– Официального объявления не было. Пока это называется поездка в Карелию на отдых. Или в командировку... я не уверен точно.

– Когда вернётся не сказала? – Я кивнул. – Сына взяла с собой? – Ещё один кивок. – И целый чемодан вещей? – Кивок. – Понятно. Как воспринял Мишка?

– Не думаю, что он понял. Шесть лет мальчишке, что с него взять?

– Телефон, надо полагать, отключила, сучка?

Иногда она невыносима в своей прямолинейности, я хотел сказать колкость или даже грубость, но сестра не дала этого сделать, она сунула мне стакан и приказала:

– Пей, робкий человек!

– У меня завтра смена, – вяло возразил я. – Мне работать. Ты же не хочешь, чтоб я оперировал с похмелья?

– Твои пациенты – чужие люди, – ответила Элеонора. – А ты мне брат. Родная кровь. Я за тебя чувствую ответственность, а другие меня не волнуют, у них свои сёстры.

Железная логика. Железобетонная. Я выдохнул и залпом выпил стакан.

– Я люблю её, Элка. Я всё ещё люблю её.

– Это поправимо. Качественный секс и вкусный ужин – через месяц в твоём мозгу не останется никого, кроме Нинки. – Элеонора махнула рукой: – Вы мужики примитивные создания.

Закат растёкся кленовым сиропом, сделался вязким и жарким. Рубашка прилипла к спине; стало безмятежно и совсем расхотелось спорить. Даже говорить расхотелось. Только между третьим и четвёртым... кажется, коктейлем я попросил:

– Не торопи события. Пусть всё идёт естественным путём.

– Как скажешь. Ты доктор. Будем надеяться, что рассосётся само. Как у беременной курсистки.

*

Утром я чувствовал себя измятым. Будто меня пожевал Кинг-Конг. Пожевал, пожевал и выплюнул. В голове гудела пустота (какая живёт внутри треснутого колокола), ныло в боку. Я дважды почистил зубы – противный привкус не исчез. "Следует сделать томографию, – подумал. – Печень не в лучшей форме". Попытался прикинуть сколько вчера выпил в пересчёте на чистый алкоголь. Получалось немного.

Первая половина смены прошла спокойно: несколько порезов, ожог руки, отдавленный ноготь. Позже привели старика с переломом ключицы. Хотел попросить медсестру наложить гипс, но сделал сам. Решил, так скорее разгуляюсь. Временами накатывала слабость и тошнота, однако пальцы не дрожали.

Сразу после обеда привезли мальчика. Стервец катался на доске, цепляясь за грузовики. Длинная такая доска с колёсиками – лонг-борд, если я не путаю. Доска-убийца.

Множественные оскольчатые переломы правого бедра, вывихнутое плечо, сотрясение мозга и четыре часа операции. Четыре часа я собирал его кости, чистил, вбивал спицы, штопал и твердил себе: "Будет ходить. Обязательно, – повторял заклинание, – будет. Как без этого? Иначе, зачем здесь я? Для чего?" Воротник разбух от пота, временами тёплые щекотные ручейки сбегали по груди. До истерики хотелось пить.

Операция закончилась. Что ж... ходить будет – я хороший хирург. Когда закончил, стянул маску, посмотрел в лицо мальчику. От наркоза черты разгладились, исчезла болевая гримаса, осталась только чистая красота детства. "А бегать? – медсестра покатила парня в послеоперационную. – Бегать вряд ли. Не лги себе, ты не Бог".

После операции долго сомнамбулически мыл руки, тер пальцы синтетической щеточкой.

"Скажите, доктор, – спросила совесть, – если бы вы вчера не пили, сделали бы операцию лучше?" Стерва не могла упустить шанс помучить саму себя.

К соседней раковине встал Джексон.

Спросил:

– Ты как? Нормуль? – Неутомимый оптимист, Джексон всегда приходил на час раньше смены. – Выглядишь паршиво. Сообщаю доверительно, как другу.

– Нет, – проговорил я, – всё сделал правильно. Лучше не могу.

– Чего? – густые татарские брови Джексона взлетели вверх, к потолку головы. По паспорту его звали Хадиджа Абдулаевич Барсай. Не имя с фамилией, а народная восточная песня с припевом. Барсай недавно работает в клинике. Первую неделю красивое имя восторгало, потом медсёстры урезали куплеты до демократического "Джексон". Почему именно это имя? Не знаю. Быть может по созвучию... или разглядели что-то общее в профиле и разрезе глаз. – Перетрудился?

– Да, извини. Устал как собака. Мальчишку оперировал.

– Тогда я за него спокоен. – Джексон энергично заработал щеточкой. – Что думаешь об уик-энде? У моих близняшек будет день рождения. Фатима хочет организовать вечеринку. Вино, молодая баранина, сласти и новый фильм. Приходи, а?

– Не хочешь оставаться с тинэйджерами один на один? – предположил я.

Джексон кивнул; я вспомнил своего сына Мишку. Он там, в Карелии без друзей... а я здесь. Будет предательством пойти на день рождения без него.

– Пожалуй, нет. Плохо себя чувствую. Хочу отлежаться.

– Не отказывайся, дорогой! Поправишься – вся неделя впереди! Будешь, как огурчик! – Джексон толкнул меня плечом и перешёл к сушилке. – Забыл тебе сказать, там привезли ещё одного.

– Черт! – я никак не рассчитывал на ещё одного пациента.

– Давай я прооперирую, – предложил Джексон. – Не против?

– Спасибо... с меня причитается.

Мы вышли в блестяще-голубой коридорчик. Лампы сегодня сияли сильнее обычного, до рези в глазах.

– Но тебе придётся сделать одну вещь. – Джексон стоял, подняв руки в перчатках кверху. – В приёмной дочь этого парня. Пациента. Поговори.

– О чём? – опешил я. – Что я могу сказать? Зачем это вообще?

– Девчужке пять лет, твоему сыну шесть. Ты сможешь тактично ей объяснить.

– Объяснить что?

– Дело вот в чём, они ехали в машине, – Джексон рассказывал, опустив глаза, старательно отводил взгляд. Я понял, что он боится. Боится, что я откажусь и потому предложил оперировать. – Дочка и он. Впереди с длинномера сорвало трубу. Тонкую стальную трубу, понимаешь?

– Нет.

– Прямиком бедолаге в голову. Пробило навывлет. Жутко, правда? Теперь понял?

– Да я-то что могу? – почти закричал я. – Воскресить его? Превратить трубу в воздушный шарик?

– Какие ты глупости говоришь, как дурак, прости господи! Нельзя просто так пойти и сказать девочке, что из-за какого-то разгильдяя-рабочего её отцу разнесло череп! Тут нужно что-то придумать! Ты же сам отец! Представляешь, какой это шок? У неё год назад мать умерла, а теперь с отцом трагедия. Тут нужно тактично. Только ты сможешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.